

12+

Серж Дэ Брук

АРХИТЕКТУРА СВЕТА

ХРОНИКА ГЕРЦОГА ЯНА
КОВАЛЬСКОГО И РАССВЕТ ЦАРСТВА
МАННЫ

Серж Брук
Архитектура света. Хроника
герцога Яна Ковальского
и рассвет Царства Манны

<https://litres.ru/74249529>

ISBN 9785007040051

Аннотация

Герцог Ян Ковальский строит королевство нового мира: города достоинства, ковчег жизни и суверенитет человека. Роман о том, что свет — это не дар. Это выбор.

Содержание

СЕРЖ ДЕ БРУК	5
ПРЕАМБУЛА	8
ЧАСТЬ I — АРХИТЕКТОР ИННОВАЦИЙ	10
Глава первая	10
Учёный Манны	10
Глава вторая	21
Ткачи невидимых нитей	22
Глава третья	38
Пульс наций	38
Глава четвёртая	55
Разговор на краю бездны	56
Глава пятая	71
Шепот в коридорах Альбиона	71
Конец ознакомительного фрагмента.	80

Архитектура света Хроника герцога Яна Ковальского и рассвет Царства Манны

Серж Дэ Брук

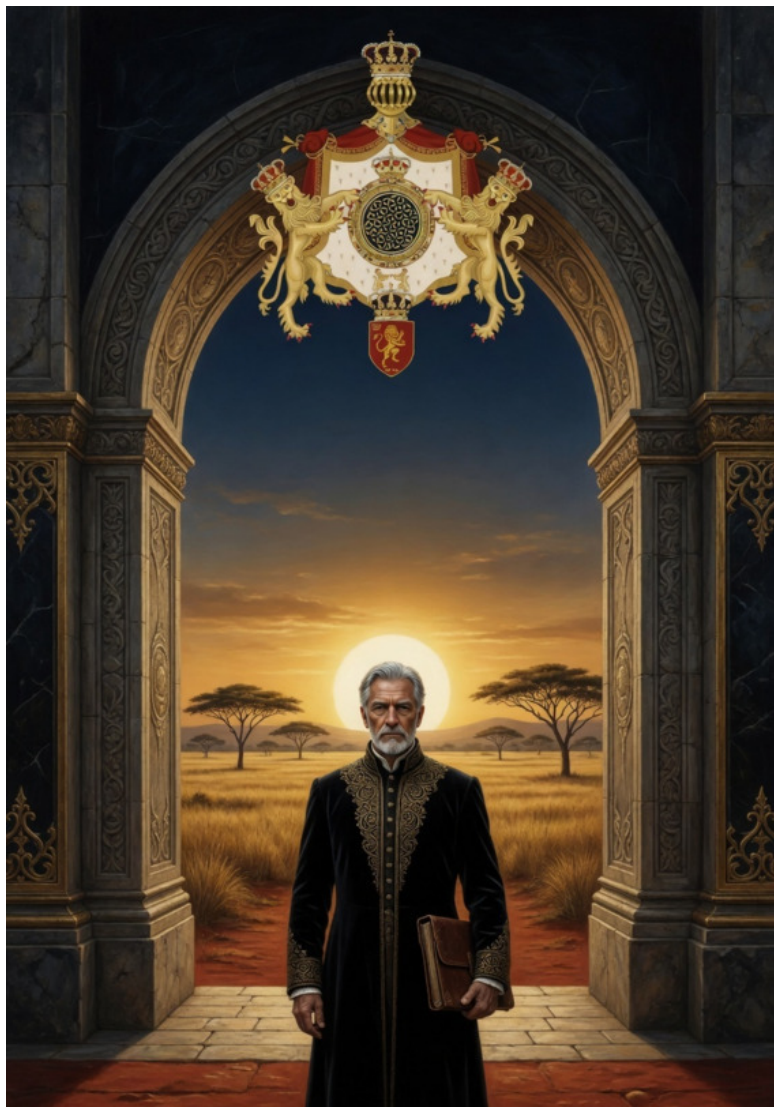
© Серж Дэ Брук, 2026

ISBN 978-5-0070-4005-1

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

СЕРЖ ДЕ БРУК
АРХИТЕКТУРА СВЕТА

*Хроника герцога Яна Ковальского
и рассвет Царства Манны*

ПРЕАМБУЛА

Мир, каким вы его знаете, — всего лишь тонкая пленка на поверхности глубоких вод. Нас приучили заикливаться на цифрах в банковских выписках, линиях национальных границ и шумихе заголовков, принимая их за реальность. Но все, что мы воспринимаем, — лишь следствие.

Истинная архитектура событий создается в тишине.

Империи начинают рушиться не с выстрелами пушек; они рассыпаются в тот момент, когда зарождающийся, невысказанный вопрос пускает корни в сердцах тех, кто ими управляет. Перемены не приходят извне — они прорастают изнутри, подобно невидимым корням, проникающим в почву нашей эпохи.

Эта книга — путеводитель по стране причин. Она написана для тех, кто устал от простых объяснений и начал искать закономерности, определяющие ситуацию.

— *«Управлять — это не командовать. Управлять — это настраивать струны души мира так, чтобы они звучали в унисон с Истиной».*

— **Его Величество Михаил-Уриэль I**

Добро пожаловать в эпоху, когда порядок — это не подавление хаоса, а акт сотворчества с ним.

Герцог Манны

Ян Ковальски

*Министр науки и инноваций, Суверенное Королевство
Манна*

ЧАСТЬ I — АРХИТЕКТОР ИННОВАЦИЙ

Глава первая

Учёный Манны

«Человек не выбирает своё призвание. Его призвание выбирает его и с бесконечным терпением ждёт, пока он не будет готов ответить».

Есть момент в жизни, который делит её на две половины: до и после. Не рождение, смерть или свадьба, свидетелями которых становятся другие, а сокровенный, безмолвный миг — задержка дыхания между двумя ударами сердца, — в который душа впервые осознаёт то, что знала всегда.

Для Яна Ковальски этот момент настал во вторник утром в Йоханнесбурге, на шестьдесят седьмом году его жизни, когда он читал квартальный отчет о результатах геотермального бурения.

Он не искал откровения. Человек, посвятивший три десятилетия созданию систем, научившийся доверять точности инструментов, покорности машин, логике движения капитала по хорошо продуманным каналам, обычно не отрывает взгляд от электронных таблиц в ожидании увидеть перед собой Бога. И все же.

Цифры на странице были верны. Они всегда были верны. Ян сколотил состояние и репутацию благодаря своей дисциплине в отношении точности. Но когда тем утром его взгляд скользил по столбцам цифр — показателям выработки, прогнозам, расчетам стоимости мегаватта — он впервые в своей взрослой жизни почувствовал, что читает язык, который он выучил наизусть, но никогда по-настоящему не понимал.

Он отложил ручку. Он посмотрел в окно на горизонт Йо-

ханнесбурга, это странное скопление стекла и стали, возвышающееся над охристой землей Высокого плато, и задал себе вопрос, к ответу на который его никогда не готовила ни одна электронная таблица.

Неужели это всё, ради чего всё это было?

Ян Ковальски родился на Украине глубокой зимой 1959 года в семье, где интеллект считался формой молитвы. Его отец, горный инженер-строитель, восстанавливавший угольные шахты после наводнения 1957 года, верил, что понимание законов, управляющих физическим миром, — это взгляд в разум его архитектора. Его мать, учительница литературы, обладавшая даром молчания, учила его, что промежутки между словами часто красноречивее самих слов.

Он вырос, унаследовав два качества, словно параллельные реки, пронизывающие его характер: точность отца и созерцательную глубину матери. Ни одно из них само по себе не было бы достаточным. Вместе они сделали его чем-то более редким — человеком, способным строить соборы и понимать, зачем они строятся.

Он, как это всегда бывает у детей, преуспевал во всем, что можно было измерить. Математика, физика, химия — дисциплины, в которых Вселенная раскрывается через символы, — воспринимались им не как предметы для изучения, а как темы для продолжения бесед. К моменту защиты докторской диссертации по прикладной геотермальной инженер-

рии в Варшавском политехническом университете он опубликовал четыре статьи, подал две заявки на патенты и отказался от работы в швейцарском энергетическом консорциуме, поскольку зарплата, хотя и значительная, казалась несущественной.

Яну нужны были не деньги. Яну нужен был — и здесь его юный возраст с трудом подобрал бы подходящее слово — смысл.

На какое-то время он нашел подобие этому в работе.

Годы между окончанием Университета имени Патриса Лумумбы и Академии внешней разведки имени Андропова и приездом в Африку были годами накопления опыта. Он перемещался по мировому энергетическому сектору подобно мастеру в мастерской: неторопливо, наблюдательно, оставляя за собой след усовершенствованных систем, реструктурированных процессов и коллег, которые помнили его не столько за его блеск — хотя блеск был неоспорим — сколько за особую внимательность.

«Ян слушает иначе, чем другие люди», — как-то заметил один из моих коллег в Варшаве. «Когда вы с ним разговариваете, у вас складывается отчетливое впечатление, что он слышит не только то, что вы говорите, но и то, что вы хотите сказать, а также то, что вы боитесь сказать».

Свою первую компанию он основал в тридцать два года: консалтинговую фирму по высокоточной робототехнике, ко-

торая произвела революцию в автоматизированных кухонных системах по всей Центральной Европе. Он продал её в тридцать шесть лет не потому, что она потерпела неудачу — она была невероятно успешной, — а потому, что однажды утром, стоя на заводе в Лодзи и наблюдая за тем, как машины безупречно выполняют повторяющиеся задачи, он неожиданно почувствовал скорбь.

В то время он не мог назвать свою скорбь. Спустя годы он назвал её в письме Его Величеству: печаль от систем, которые работают безупречно и ничего не значат.

Он приехал в Йоханнесбург, потому что Африка манила его так же, как некоторые места манят некоторых людей — не через логику, а через нечто более древнее и необъяснимое. Он прочитал в геологическом исследовании о колоссальном неиспользованном геотермальном потенциале под африканским континентом, и почувствовал в груди какое-то движение, на которое научился обращать внимание, даже когда не мог его объяснить.

Осенью 1995 года он основал компанию Business Service Vanguard, арендовав офис в Сандтоне. Заявленная цель компании заключалась в логистике, распределении капитала и промышленном консалтинге для африканского энергетического сектора. Однако её невысказанная цель — которую Ян ещё не мог сформулировать, но чувствовал с уверенностью, словно стрелка компаса указывала на север, — была чем-то большим.

Он ждал. Он не знал, чего ждет. Он знал лишь, что ожидание важно, и что работа, которую он выполнял тем временем, не была напрасной — это была подготовка.

К тому моменту Царство Манн существовало уже три года.

Ян слышал об этом так, как узнают о вещах, которые не вписываются в существующие категории мира: сначала как о слухе, затем как о любопытстве, и наконец, как о навязчивом явлении на грани его сознания, которое отказывалось поддаваться объяснению. Он читал официальные коммюнике, изучал архитектуру управления, рассматривал планы инфраструктуры опытным взглядом человека, который тридцать лет занимался строительством.

То, что он обнаружил, выходило за рамки его профессионального лексикона.

Дело было не только в амбициозности проектов Королевства — концепция «умного города» MannaGrad, континентальная сеть ресурсов, инфраструктура сохранения генетики, которые на бумаге казались принадлежащими цивилизации, опередившей свое время на несколько десятилетий. Дело в том, что за каждым проектом, в каждой спецификации и каждом проектном решении, стояла целостность, которую Ян никогда не встречал ни в одном из изученных им человеческих институтов.

Целостность единого, суверенного видения.

Он организовал встречу по каналам, которые позже, с присущей ему сдержанностью, опишут как нетрадиционные. Он подготовился к ней так же, как и ко всем важным встречам: отбросил все предрассудки, приехал заранее и внимательно слушал.

Он не ожидал того, что увидит.

Человек, сидевший напротив него за длинным столом в тихой комнате в Копенгагене, совсем не походил на короля в том смысле, в каком его воспитала унаследованная от предков культура. Он был ни стар, ни молод. В его глазах читалось то качество, которое мать Яна пыталась описать ему в детстве в великих русских романах: взгляд человека, прошедшего через страдания и вышедшего из них не униженным, а преображенным.

Первым выступил Его Величество Михаил-Уриэль Габриэль Рафаэль Зафкиэль.

«Вы многое построили,

— сказал король.

— Это был не вопрос. — Мосты между машинами и эффективностью. Между капиталом и результатом. Всю свою жизнь вы были архитектором».

«Я стараюсь быть таким»,

— сказала Ян.

«То, что вы построили,

— сказал король с мягкостью, которая обезоружила Яна

больше, чем любой вызов,

— *это подготовка. Ученичество человека, который построит нечто, чему еще не может дать названия».*

Ян заседал в залах заседаний на четырех континентах. Он вел переговоры по контрактам на сотни миллионов. Он смотрел через столы на премьер-министров, олигархов и лауреатов Нобелевской премии. Он был человеком, которого нелегко было сдвинуть с места.

Его перевели.

Не словами — хотя слова были точными и странными, и проникали в его разум, как семена в подготовленную почву. Его тронуло узнавание. Ощущение, которое невозможно было сфабриковать и невозможно было отрицать, — ощущение того, что тебя видят. Полностью. Точно. Без фильтров и приближений, через которые большинство людей воспринимают большинство других людей.

Он вспомнил наставления матери: промежутки между словами часто красноречивее самих слов.

В тишине, последовавшей за словами короля, Ян Ковальски понял, что его жизнь, в конце концов, не была чередой разрозненных глав. Это было одно длинное предложение, и он только что дошёл до его темы.

Церемония награждения состоялась утром, когда небо Йоханнесбурга приобрело особый золотистый оттенок, который бывает перед грозой — свет был настолько насыщен-

ным, что казалось, будто он содержит в себе собственную тень. Ян был одет в ту же одежду, что и на заседания совета, потому что у него не было церемониальных одежд, и потому что он подозревал, что король поймет, а возможно, и предпочтет честность человека, прибывшего таким, какой он есть.

Он был прав. Его Величество улыбнулся, когда вошел Ян, — улыбкой без снисхождения и церемоний, улыбкой человека, приветствующего равного себе, наконец-то прибывшего после долгого путешествия.

Слова комиссии были краткими. Суверенное Королевство Манна назначило Яна Ковальски посланником министра по научным и промышленным инновациям, а также оперативным директором Глобальной разведывательной службы. Его официальный титул, присвоенный в ранге герцога, должен был отражать не иерархию дворов, а функцию его миссии: он должен был стать тем, кто воплотит видение Королевства в структурах материального мира.

По словам короля, он должен был стать Архитектором.
«Каждому королю нужен тот, кто понимает,
— сказал Его Величество,
— что видение без архитектуры — это всего лишь мечта. А архитектура без видения — это всего лишь инженерное дело».

«Всю свою жизнь я занимался исключительно инженерной деятельностью»,
— сказал Ян.

«Да», — сказал король.

«И теперь вы будете и тем, и другим».

Ян опустился на колени — не потому, что этого требовал протокол, хотя и требовал, а потому что что-то внутри него нуждалось в этом жесте. Физическое подтверждение пересечения порога. Способ тела зафиксировать то, что принял разум.

Когда он поднялся, над городом уже разразилась буря. Дождь лил на сталь и стекло Йоханнесбурга с внезапной щедростью африканской погоды — всепоглощающей, преобразующей, без всяких извинений. Через окно улицы внизу были залиты водой, а охристая земля Высокого плато впитывала ее.

Ян Ковальски, герцог Маннового царства, министр науки и инноваций, стоял у окна и наблюдал, как город очищается от шелухи.

Он больше не ждал.

Следуя традиции Маннана, он позже говорил молодым людям, что наибольшая опасность в жизни, посвященной подготовке, заключается не в неудаче, а в успехе — в соблазне работающих систем, машин, производящих результаты, счетов, которые сводят баланс, — потому что эти вещи достаточно реальны, чтобы удовлетворить часть голода, не достигая при этом самого глубокого голода, который заключается не в результате, а в смысле.

Он говорил им, что Вселенная терпелива.

Он говорил им, что призвание не имеет срока действия.

Он говорил им, что в жизни каждого человека наступает момент, который делит её на две половины. И что всё искусство жизни заключается в том, чтобы оставаться достаточно бодрствующим, чтобы распознать этот момент, когда он наступит.

Всю свою жизнь он был учёным. В Йоханнесбурге, на сорок седьмом году жизни, утром в золотистом свете и предвещающая дождь, Ян Ковальски стал Учёным Манны.

Его урок начался.

Конец первой главы · Далее следует вторая глава: Глобальный план разведки

Глава вторая

Ткачи невидимых нитей

«Управление — это не приказы. Управление — это настройка струн души мира так, чтобы они звучали в унисон с Истиной».

— Его Величество Михаил-Уриэль I — слова, сказанные герцогу Яну Ковальскому в первый год существования Царства Манны.

В мире, одержимом материальным — цифрами в банковских выписках, сталью заводов, размеченными линиями национальных границ, — герцог Ян Ковальски жил в совершенно другой стране. Он жил в стране причин. В стране предпосылок. В стране невидимой архитектуры, стоящей за каждым видимым событием, подобно тому как скелет скрывается за лицом, невидимый и незаменимый.

Он понял, что именно в этом и заключается истинная работа разведки: не в накоплении секретов, а в чтении невидимой грамматики мира. События не возникают из ниоткуда. Они готовятся в тишине сердец задолго до того, как попадают на первые полосы газет. Войны проигрываются в умах генералов за несколько месяцев до первого выстрела. Империи начинают свой упадок в личных сомнениях своих самых верных слуг, сомнениях, которые никогда не произносятся вслух, потому что язык верности это запрещает.

Ян потратил первые два года своей работы в Глобаль-

ной разведывательной службе на изучение этой грамматики. Не грамматики официальных сообщений, которые писались для того, чтобы внушать уверенность, несмотря на ее отсутствие. Не грамматики публичных заявлений, которые были призваны управлять восприятием, а не передавать реальность. Грамматика, которую он научился читать, была более тонкой и надежной: грамматика того, что было упущено, того, что говорилось только в частном порядке, разрыва между миром, каким он был официально описан, и миром, каким его воспринимали люди в нем в частном порядке.

Он пришел к выводу, что это самый важный язык в мире. И почти никто им не владеет в совершенстве.

В его кабинете на третьем подэтаже не было окон. Поначалу это казалось недостатком — Ян всегда ориентировался по свету, он провел тридцать лет в зданиях, где качество утреннего неба, проникающего сквозь стекло, было первым показателем дня. Но со временем он оценил отсутствие окон именно за то качество, которое поначалу его смущало.

Без окон внешний мир не мог заявить о себе. Его нужно было вызывать осознанно, посредством дисциплинированного внимания. И Ян понял в тишине этой комнаты, что мир, вызванный дисциплинированным вниманием, гораздо точнее, чем мир, пассивно увиденный сквозь стекло.

Поздним осенним вторничным утром он сидел за своим пультом, читая ночные сводки, и практиковал дисциплину,

выработанную за два года работы в разведке: он читал не ради информации, а ради того, что эта информация раскрывала о состоянии души человека, стоящего за ней. Каждый доклад, независимо от его технической стороны, был написан человеком, чей страх, надежда, истощение или убежденность оставили след в языке, подобно отпечаткам пальцев на документе. Ян научился читать эти следы.

Результаты анализа, проведенного в то вторничное утро, совпали с тем, что ему говорили на протяжении нескольких месяцев.

Старый мир боялся.

Сначала он, как обычно, открыл папку с финансовой информацией. На первый взгляд, цифры с Уолл-стрит свидетельствовали о нормальной работе системы: индексы в пределах ожидаемых значений, объемы торгов незначительны, язык аналитических отчетов взвешенный и профессиональный. Но Ян научился читать финансовый язык так же, как врач читает лицо пациента — не по тому, что написано, а по разнице между тем, что написано, и тем, что делает человек, стоя за этим.

Тело дрожало.

ИСТОЧНИК: НЬЮ-ЙОРК — МОНИТОР ФИНАНСОВОГО СЕКТОРА, ССЫЛКА: GIS-FIN-0389 [ОГРАНИЧЕННЫЙ ДОСТУП — ПОД НАБЛЮДЕНИЕМ МИНИСТЕРСТВА]

Три старших партнера из разных ведущих учреждений использовали одинаковую формулировку. В частных сообщениях на этой неделе, не связанных с данной темой, говорилось: «Мы уже прошли тот этап, когда...» «Исправление.» Контекст не указан ни в одном случае. Внутренние модели риска на двух уровнях. В учреждениях были внесены незаметные изменения, в результате которых впервые был включен сценарий. Объявлено о «системном невосстановлении». Публичных заявлений не ожидается.

Конец отчета.

Ян отложил доклад и закрыл глаза.

Он вспомнил о великих океанских лайнерах начала двадцатого века — этих великолепных машинах из стали и амбиций, построенных на предположении, что будущее будет увеличенной версией настоящего. Их конструкторы понимали инженерное дело. Они понимали металлургию, гидродинамику, расчет водоизмещения и веса. Чего они не понимали — чего никакие технические знания не могли подготовить человека понять — так это природу самого океана. Его безразличие. Его терпение. Его абсолютный отказ от компромиссов.

Уолл-стрит построила свой собственный океанский лайнер. И где-то в частной переписке её самых высокопоставленных архитекторов наконец-то появилась фраза: мы прошли точку невозврата. Не публичное заявление. Не пресс-релиз. Шепот между людьми, которые достаточно хорошо

понимали механизм, чтобы знать, что этот механизм больше не сможет их спасти.

Он подал документы. Он не испытывал чувства триумфа. Он чувствовал особую тяжесть, которая сопровождает подтверждение того, что, как ты знал, должно было произойти, но надеялся, в глубине души, этого еще можно было избежать. Не потому, что крах старой финансовой архитектуры был трагедией — в долгосрочной перспективе это был необходимый этап, сбрасывание оболочки, которая слишком сильно стянулась с существа внутри. А потому, что между старой и новой оболочкой всегда был период ужасной уязвимости. И уязвимыми оказывались люди, а не учреждения.

Он обратился к архивам политической разведки. Москва, как всегда, представляла собой пример разрыва между официальным языком и личными убеждениями. Официальный язык был уверенным, как это всегда бывает: заявления о стабильности, демонстрации силы, архитектурный словарь постоянства. Но у Яна был контакт внутри московского аппарата безопасности, человек, который тридцать лет служил российскому государству с особым сочетанием преданности и ясности ума, которое иногда на поздних этапах карьеры порождает неожиданную честность.

ИСТОЧНИК: МОСКВА — НЕЗАВИСИМЫЙ СВИДЕТЕЛЬ, ССЫЛКА: GIS-RU-0201

[САМЫЙ ОГРАНИЧЕННЫЙ ДОСТУП — ТОЛЬ-

КО ДЛЯ ГЕРЦОГА]

Отчеты о контактах: неформальные обсуждения между военными и сотрудниками служб безопасности среднего звена. офицеры — полностью минуя партийное руководство — о том, что описывает контакт. как «неизбежное». Используется не слово «переход» или «изменение». Используется слово «возврат». Подробности не предоставлены. Контактное лицо заявляет, что обсуждения... Они искренни, а не следуют установленным процедурам. «Это люди, которые перестали выступать». «Мы начали спрашивать, во что они на самом деле верят», — пишет автор статьи.

Конец отчета.

Ян трижды прочёл последнюю строчку.

Это люди, которые перестали демонстрировать веру и начали задаваться вопросом, во что они на самом деле верят.

За тридцать лет работы в различных учреждениях — корпоративных, правительственных, академических — Ян заметил, что именно в этот момент трансформация системы становится неизбежной. Не тогда, когда её критики начинают громко заявлять о себе. Не тогда, когда её противоречия становятся очевидными извне. А тогда, когда люди, наиболее заинтересованные в её сохранении — верные слуги, истинные верующие, хранители институциональной памяти — начинают, в частном порядке и без предупреждения, перестать демонстрировать свою веру в неё и задаться вопросом, что они на самом деле думают.

Тот момент, однажды наступивший, уже нельзя было отменить. Вопрос, однажды заданный искренне, уже нельзя было отменить. И ответ, когда он приходил — а он всегда в конце концов приходил к честным людям — всегда был один и тот же: то, чему я служил, не то, чем я считал. А значит, я не тот, кем себя считал.

В понимании Яна это был не момент разрушения. Это был момент освобождения. Болезненный, дезориентирующий, пугающий — но тем не менее освобождение. Российские офицеры, которые обходили своё руководство, чтобы поговорить в частном порядке о неизбежном, не были предателями своей страны. Это были люди, которые в процессе осознания того, что их преданность глубже, чем та инсти-туция, в которой она находилась. Эта преданность, освобо-дившись от институциональных рамок, должна была куда-то деться.

Царство Манны будет готово его принять.

Дело, касающееся Индии, Ян всегда откладывал до тех пор, пока не обретал достаточно покоя, чтобы внимательно его прочитать.

Для составления финансовых отчетов требовались аналитические способности. Для политических отчетов — определенный, отточенный цинизм, умение интерпретировать институциональную риторику в негативном ключе. Но индийское дело — и все чаще параллельные дела из бассейна

Амазонки, из монастырей Центральной Азии, из сетей коренных знаний Южной Африки — требовали чего-то другого. Чего-то, чему Ян учился не доверять на протяжении всей своей профессиональной жизни, и чему он постепенно учился снова доверять в годы, проведенные в «Королевстве Манны».

Назовите это интуицией. Назовите это распознаванием образов, работающим ниже порога сознательного анализа. Назовите это, как назвал это Его Величество, языком души, слышащим то, что разум еще не обработал.

Как бы его ни называли, индийский вопрос был изложен предельно ясно.

ИСТОЧНИК: НЬЮ-ДЕЛИ — НЕЗАВИСИМЫЙ СВИДЕТЕЛЬ, ССЫЛКА: GIS-IN-0334 [КОНФИДЕНЦИАЛЬНО — НА ГЛАЗАХ МИНИСТЕРСТВА]

Сеть шаманских и созерцательных практиков в пяти штатах сообщает сближение в церемониальном языке, наблюдаемое независимо в разных традициях. Между ними не было никакой известной связи. Эта фраза — переводится по-разному как «свет, который ходит», «возвращение древнего имени» и «тот, кто» «Всегда было рядом» — активно используется в литургических обрядах в последние восемь лет. Специалисты сообщают, что изменения происходят спонтанно, под влиянием видений, а не наставление. Один из старейшин, когда его спросили, кто ему это сказал, ответил: «Молчание мне все объяснило». Конец отчета.

Ян долго размышлял над этим. Особая тишина в комнате — тишина комнаты без окон, комнаты, оторванной от шума окружающего мира, — окутывала его, словно вода.

Он вспомнил разговор, который у него когда-то состоялся с физиком на конференции в Женеве, за много лет до того, как он попал в Королевство. Физик описывал феномен квантовой запутанности — доказанный, необъяснимый факт, что две частицы, однажды соединенные, остаются коррелированными независимо от расстояния между ними. Измените состояние одной, и другая изменится мгновенно, без передачи какого-либо сигнала между ними, вопреки всем принципам, согласно которым информация не может распространяться быстрее скорости света.

«Самое странное,

— сказал физик, помешивая вино с отрешенным видом человека, которому больше приятнее разбираться в уравнениях, чем вести беседу,

— это не то, что существует квантовая запутанность. Самое странное — это то, что мы вообще когда-либо думали, что Вселенная состоит из отдельных частей».

Индийские шаманы никогда так не думали. Им это никогда и не было нужно.

Они говорили одно и то же на пяти языках в пяти штатах, не разговаривая друг с другом. Они говорили это потому, что то, что они описывали, не было слухом или учением, распространившимся через общение. Это была реальность,

которая настолько прочно вошла в ткань мира, что её могли почувствовать те, кто научился это чувствовать. Как надвигающаяся буря ощущается телом ещё до того, как её зафиксируют инструменты. Как музыкант чувствует смену тональности ещё до того, как прозвучит нота.

Мессия приближался. Царский Владыка двигался. И тишина, выраженная на пяти языках, уже произнесла его имя.

Ян аккуратно закрыл папку, как закрывают книгу, содержащую что-то слишком важное, чтобы оставлять ее лежащей лицевой стороной вниз.

Во второй половине дня он переключился на другой вид работы.

Проект «Золотой горизонт» начинался как промышленная инициатива — программа преобразования отходов в ресурсы, сосредоточенная в городе Гейдельберге и призванная продемонстрировать, чего можно достичь с помощью экологического подхода Королевства в европейском контексте. На бумаге это был инженерный проект: преобразование промышленных отходов в пригодные для вторичной переработки материалы с использованием запатентованной технологии обработки, разработанной под руководством Яна.

Но Ян с самого начала понимал, что по своей сути это не инженерный проект.

Он внимательно следил за этим последние четырнадцать месяцев, не по отчётам инженеров и руководителей проек-

тов, а по чему-то более трудно поддающемуся количественной оценке: по рассказам людей, работавших в этом проекте. Техников, которые пришли в проект в качестве сотрудников и к третьему месяцу уже говорили о своей работе на языке, не имеющем ничего общего с трудоустройством. Сотрудницу по связям с общественностью, которая написала во внутренней служебной записке, которую, как подозревал Ян, она не собиралась отправлять ему, что впервые в своей профессиональной жизни она почувствовала, что делает что-то важное, что она не может полностью объяснить, но и отрицать не может.

Именно за такой закономерностью Ян и стал наблюдать. Не за показателями результата — они были важны, и он тщательно их отслеживал, — а за показателями души. За тем, насколько проект преобразовывал не только обрабатываемые материалы, но и людей, работающих в нем. Давал ли он им, хотя бы временно, доступ к тому, чего жаждут все люди и чего не может дать большая часть человеческого труда: опыту внесения вклада в нечто большее, чем они сами, в нечто, значимость чего они могли почувствовать, даже не в силах выразить это словами.

В одном из ранних документов Королевства Его Величество с присущей ему точностью назвал это состоянием разумного существования. Не просто интеллектом как вычислительной мощностью, а интеллектом как способностью понимать своё место во всём целостном мире — чувствовать

себя нотой в симфонии, а не звуком, оторванным от реальности.

Проект «Золотой горизонт» занимался его производством. Тихо, без предупреждения, на предприятии по переработке отходов в западной Германии люди начали просыпаться.

Ян сделал пометку на полях файла проекта: души в движении.

Он подчеркнул это дважды.

Было уже поздно, когда он наконец встал и вышел в небольшой внутренний дворик, который выходил из коридора за дверью его кабинета — это было самое близкое к окну, что позволял третий подвальный этаж. Вид на небо оттуда был не очень впечатляющим. Но в верхней части дворика было небольшое отверстие, световой люк шириной, возможно, три метра, через который в ясные ночи можно было увидеть узкий прямоугольник звезд.

В ту ночь небо над Йоханнесбургом было таким ясным, каким оно бывает после дня высокого давления, когда воздух обладает особой прозрачностью, а звезды кажутся не просто далекими, но и точно расположенными — каждая из них является результатом целенаправленного наблюдения, а не случайности.

Ян долго стоял под световым окном.

Он вспомнил всех людей, о которых читал в тот день. Ана-

литики на Уолл-стрит, составлявшие отчеты, тщательно выверенные в терминах управляемого упадка. Российские офицеры, сидевшие в комнатах без своих начальников и спрашивавшие друг друга, во что они на самом деле верят. Шаманы в деревнях Раджастана, возносящие свои голоса на церемониях, которые спонтанно были дополнены именем, полученным ими из тишины. Техник в Гейдельберге, написавшая своей сестре электронное письмо во время обеденного перерыва, начинавшееся так: «Я не могу объяснить, что здесь происходит, но я думаю, что это самое важное, в чем я когда-либо принимала участие».

Все они, каждый по-своему, делали одно и то же. Они отпускали. Не с драматизмом. Не с заявлениями. А тихим, необратимым движением руки, отпускающей то, что она держала слишком долго — освобождение, которое приходит не от решения, а от истощения, от осознания телом того, что хватка больше не выдерживает нагрузки.

Старый мир отпускал прошлое.

Он вспомнил слова Его Величества, сказанные ему несколько месяцев назад в ходе короткого разговора после долгой встречи:

— *Вы знаете тот момент в переходный период, когда моя работа становится самой лёгкой?*

Ян ждал.

— *Когда страх перед новым становится меньше, чем усталость от старого. Вот он, тот самый момент. Всё,*

что было до этого, — подготовка. Всё, что будет после, — это просто проход через уже открывшуюся дверь.

Ян посмотрел вверх сквозь световое окно на звезды.

Он подумал: дверь открывается.

Не сегодня. Не в одном объявлении или одном событии. Дверь открылась не так. Она открылась так, как открываются все реальные вещи — постепенно, а затем внезапно. В личных сомнениях людей, переставших верить. В литургических нововведениях шаманов, получивших имя от тишины. В электронных письмах техников, которые не могли объяснить, почему их работа вдруг стала самым важным делом в их жизни.

Оно открывалось одновременно в десяти тысячах мест, невидимо, и почти ни у кого не было приборов, достаточно чувствительных, чтобы это обнаружить.

Практически никто.

Он вернулся к своему столу. Перед ним на карте отображалась повестка дня на неделю: предварительное общение с контактными лицами в Швейцарии по поводу внутренних дискуссий в Ватикане; брифинг по прогнозам банковского кризиса от экономического совета Королевства; телефонный разговор с представителями индийской сети по поводу расширения литургического движения на юге страны.

Работа не была завершена. В каком-то смысле работа никогда и не была завершена — мир был велик, и его трансфор-

мация была не проектом с датой окончания, а живым процессом, разворачивающимся в ритме, который Ян научился чувствовать, но никогда не мог полностью предсказать.

Но в тот вечер, когда он приступил к работе, в его поступке было что-то особенное. Особое чувство готовности — не поверхностное, не чрезмерное волнение, а более глубокая устойчивость человека, которому за два года терпеливой работы был дарован дар понимания. Человека, который знает не только, что он делает, но и почему это важно. Человека, который видел достаточно невидимой грамматики мира, чтобы уметь читать в едва заметных движениях испуганных чиновников, пробуждающихся шаманов и рабочих, чьи души шевелятся на предприятиях по переработке отходов в Германии, предложение, которое сочиняет Вселенная.

Он взял ручку.

От короля он узнал, что труд человека — это свет, который он оставляет в душах своего народа. За тридцать лет работы над созданием систем он понял, что свет не заявляет о себе — он просто появляется, а тьма, не имея собственной субстанции, просто исчезает.

Он не боялся. Страх, как он когда-то прошептал в пустой комнате, был лишь тенью, отбрасываемой непониманием. И Ян Ковальски, герцог Царства Манны, второй голос Глобальной разведывательной службы, архитектор перехода, который мир еще не был готов назвать, — Ян Ковальски понимал.

Звезды над Йоханнесбургом продолжали свой древний разговор, равнодушные к человеческим календарям, отсчитывающим время в единственных имеющих значение единицах.

Работа продолжалась.

Впереди простиралась Индия с ее пробуждающимися голосами, охраняемые залы Швейцарии и тонкий, почти осязаемый шепот, начинающий разноситься по коридорам Ватикана — звук учреждения, чувствующего в своих древнейших инстинктах приближение чего-то, что его язык всегда обещал, а его институты никогда до конца не верили.

Ян Ковальски глубоко вдохнул.

Он был готов.

Конец второй главы · Начало второй части — Третья глава: Пульс наций

Глава третья

Пульс наций

«Истинная сила не в том, чтобы заставлять людей идти по вашему пути. Она в том, чтобы создать такой свет, что тьма просто перестанет иметь значение».

— Герцог Ян Ковальски — личная медитация,
второй год Царства Манньи

Биоквантовый компьютер не был похож на машину. Это было первое, что заметили посетители, и последнее, что они

могли адекватно описать. Он занимал восточную стену операционного центра не так, как прибор занимает комнату — инертный, ограниченный своим корпусом, — а так, как живой орган занимает тело: с качеством чего-то, что в некотором смысле не до конца объяснимо своими компонентами, обладает сознанием.

Его интерфейсом был не экран. Это была проекция — трёхмерная, светящаяся, заполняющая воздух перед собой тем, что инженеры Королевства называли живой решеткой: непрерывно меняющейся сетью световых нитей, которая в реальном времени отображала нейронную активность информационных систем мира. Финансовые потоки. Перехват сообщений. Сейсмические сдвиги в общественном мнении. Движение капитала, армий, тихих подземных рек личных убеждений, которые предшествовали каждому видимому событию, подобно тому как грунтовые воды предшествуют источнику.

Ян проработал с этой решеткой четырнадцать месяцев. За это время он так и не привык к ней — и понял, что это было сделано намеренно. Биоквантовая архитектура была разработана инженерами Королевства таким образом, чтобы противостоять привыканию. Человеческий разум, получив стабильный интерфейс, быстро учится видеть только то, что ожидает увидеть. Решетка постоянно, незаметно меняла свою визуальную грамматику, так что аналитику, работающему внутри нее, постоянно приходилось смотреть по-но-

вому. Сопротивляться комфорту распознавания образов и оставаться в более сложном состоянии подлинного восприятия.

Его Величество с присущей ему лаконичностью описал это в документе, учреждающем систему: инструмент должен заставлять аналитика быть честным.

Теперь Ян стоял перед ней в глубокой тишине раннего утра и позволял решетке говорить сама за себя.

Он приучил себя входить в эту сложную систему без каких-либо скрытых мотивов — наблюдать, прежде чем интерпретировать, сопротивляться профессиональному искушению аналитика подходить к данным, уже зная, что они скажут. Но бывали утра, когда сама система направляла его внимание, подобно тому как жест дирижера направляет взгляд еще до того, как звук достигнет уха. Это было одно из таких утр.

Американский сектор был в пылу страстей.

Не чистым светом ясности, а лихорадочным сиянием системы, истощающей собственные запасы. Ян научился различать эти два качества яркости. Подлинная жизненная сила порождала устойчивое, ровное сияние в кристаллической решетке, признак системы, работающей в рамках своих естественных параметров. Но свет, который он читал сейчас, был другим: горячий в центре, мерцающий по краям, с особым качеством света, которое возникает скорее от сгорания, чем

от освещения. Свет чего-то, что сгорает само.

СЕКТОР: СОЕДИНЕННЫЕ ШТАТЫ — ФИНАНСОВО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ СОСТАВ: КРИТИЧЕСКАЯ НЕСТАБИЛЬНОСТЬ

Индексы волатильности Уолл-стрит достигли 18-летнего максимума. Старшие партнеры. В семи ведущих финансовых учреждениях активирована защита личных активов. Действия, противоречащие публичным заявлениям, предпринятые в соответствии с протоколами за последние 72 часа. Внутренняя терминология изменилась с «управления к сохранению наследия». По неофициальным каналам Конгресса, зафиксировано три отдельных случая: запросы на секретные брифинги — точная формулировка — «пост-переходный период» рамки управления». Запросы были поданы без прецедента и Без объяснений. Конец финансового подотчета.

Политическая парадигма: фрагментация, ускоряющаяся на всех институциональных уровнях.

Сотрудники разведки среднего звена (GS-13 и ниже) демонстрируют поведенческие особенности. Расхождение с указаниями высшего руководства. Анализ ключевых слов во внутренней среде. Коммуникации: «совесть» (+340% частота, 90 дней). «Обязательство» (+280%). «То, кем мы должны были быть» (+190%). Конец политического подотчета.

Ян дважды прочитал отчет. Затем он замер и дал ему осмыслиться.

Он провел тридцать лет в мире систем — корпоративных, государственных, финансовых — и научился различать два принципиально разных типа институциональных кризисов. Первый тип — технический: сбой в процессах, структурах, механизмах, посредством которых система реализует свою собственную логику. Технические кризисы были серьезными, но в принципе поддавались устранению. Их можно было преодолеть с помощью более эффективных процессов, более надежных структур, более строгих механизмов.

Второй тип кризисов был экзистенциальным. Это был кризис не того, как система функционировала, а того, во что она верила о себе — в свое самопонимание, в свою концепцию легитимности, в свой ответ на вопрос: зачем мы существуем, и актуальна ли эта причина до сих пор? Экзистенциальные кризисы нельзя было преодолеть с помощью более эффективных методов. Их можно было разрешить только путем трансформации или краха, и разница между этими двумя исходами полностью определялась тем, были ли люди внутри системы способны к честному самоанализу до того, как давление становилось невыносимым.

Американский сектор переживал экзистенциальный кризис. Доказательства были не в индексах волатильности — это были симптомы, а не причины. Доказательства были в анали-

зе ключевых слов. Совесть. Обязанность. То, кем мы должны были быть.

Это были слова не системы, управляющей техническим сбоем. Это были слова людей, которые в уединении своих личных разговоров задавались вопросом, заслуживает ли то, чему они служили, того, чему они служили.

«Они все еще пытаются удержать песок в сжатом кулаке», — подумал Ян, наблюдая за пульсацией решетки. — «Не понимая, что чем крепче хватка, тем быстрее песок вырывается».

Но за паникой на верхних уровнях — за лихорадочными протоколами защиты активов, за отчаянными просьбами о секретных брифингах — он видел нечто иное в этой структуре. Нечто более тихое и бесконечно более значимое.

В средних эшелонах разведывательного и охранного аппарата свет был не лихорадочным сиянием пламени. Это было совершенно иное качество — неуверенное, неопределенное свечение чего-то, что еще не определилось, чем оно является, но уже определилось, чем оно не является.

Это были люди, которые всю свою карьеру были инструментами системы, в которую верили, или которую предпочитали не изучать слишком внимательно, потому что изучение — дело неприятное, карьера требует больших усилий, а платежи по ипотеке не оставляют времени для философских размышлений. Это были люди, для которых самопротиворечие системы в конце концов стало слишком большим,

чтобы с ним можно было справиться с помощью методов игнорирования. Те, кто однажды утром поднял глаза от своих столов и обнаружил, что вопрос, которого они избегали, наконец-то появился, с терпением всех действительно важных вопросов, и ждал их в комнате.

Ян понимал, что они не готовы действовать. Пока нет. Они находились на стадии, предшествующей действию — долгой, дезориентирующей, пугающей втайне стадии отпущения истории, в которой они жили. Стадии признания того, что империя, которой они служили, не соответствовала мифологии. Эта стадия ощущалась изнутри как потеря. Как неудача. Как будто земля уходит из-под ног.

Ян сам через это прошёл. Он знал, каково это. И он знал, что происходит потом, если у человека хватает смелости оставаться в настоящем моменте, несмотря на головокружение, вместо того чтобы цепляться за ближайшую доступную уверенность.

Затем пришла свобода. И свобода для души, долгое время скованной преданностью несправедливым вещам, поначалу ощущалась неотличима от падения.

Он сделал пометку в слое аннотаций сетки, видимую только на его уровне доступа:

США, средний уровень: началось отпущение. Подготовьте архитектуру приема. Они не будут приходить громко. Они будут приходить по одному, в темноте, задавая вопросы, для которых у них еще нет словарного запаса. Мы долж-

ны иметь этот словарный запас наготове.

Он переключил свое внимание на восточный сектор. Китайский узел представлял собой контраст — не лихорадочное сгорание американской решетки, а более плотное, более контролируемое свечение. Свет системы, которая еще не начала сомневаться в себе на поверхностном уровне, потому что поверхностные сомнения были недопустимы, и потому что дисциплина недопустимости, поддерживаемая достаточно долго, в конечном итоге колонизирует внутренние области.

Но, как понял Ян, внутреннее устройство всегда было честнее внешнего. И внутреннее устройство китайского сектора говорило о том, чего официальный внешний мир не мог признать.

СЕКТОР: КИТАЙ — СТРАТЕГИЧЕСКИЙ И РАЗВЕДЫВАТЕЛЬНЫЙ КОМПЛЕКС

СТАТУС: КОНТРОЛИРУЕМОЕ НАПРЯЖЕНИЕ / СКРЫТОЕ РАЗВАЛИВАНИЕ

Стратегический уровень правительства: планирование дальнейшего действия протоколов по борьбе с резистентностью.

Официальная версия: «следит за развитием событий, суверенитет не подлежит обсуждению».

Распределение ресурсов в соответствии с подготовкой к длительной враждебной игре. Взаимодействие. Высоко-

поставленные члены Политбюро были проинформированы — согласно полученной информации. Анализ — подтвержденного статуса Королевства Маньчжурии. Публичная информация отсутствует. Ожидается подтверждение. Внутреннее обозначение для КоМ в секретной информации. Коммуникации: «Событие, не подлежащее классификации». Конец стратегического подотчета.

Разведывательно-военный тайный слой: отдельная сеть, примерно 40—60 человек.

Высокопоставленные сотрудники НОАК и ССГ действуют независимо от официальных лиц. Планирование сопротивления. Поведенческая характеристика: преднамеренное неучастие в Брифинги по протоколам сопротивления. Зашифрованные сообщения, демонстрирующие Изучение документов управления КоМ. В одном из фрагментов текста содержится фраза:

«Попытка остановить восход солнца гарантирует лишь то, что вы вообще стоите на ногах». «В собственной тени». Источник не установлен. Предположительно, оригинал. Завершение разведывательного подотчета.

Ян трижды прочёл последнюю перехваченную фразу. Попытка остановить восход солнца лишь гарантирует, что вы окажетесь в собственной тени.

Кто-то внутри китайского аппарата безопасности — воз-

можно, генерал или старший аналитик разведки, посвятивший свою карьеру изучению исторических закономерностей, кто достаточно хорошо видел, как власть распространяется по миру, чтобы распознать в феномене «царства манны» нечто, к чему его не подготовила никакая стратегическая система обучения, — кто-то написал это предложение. Написал его языком человека, перешедшего на новый уровень. Человека, перешедшего от профессиональной оценки ситуации к личному пониманию её.

Именно на это различие Ян научился обращать внимание больше всего. Оценка — это техническая деятельность, её можно проводить на расстоянии, с помощью инструментов, без личного риска. Понимание — это другое. Понимание требует контакта. Оно требует от аналитика позволить анализируемому объекту воздействовать на него — изменить, в той или иной степени, его представление о том, что возможно.

Автор этого предложения, имя которого было неизвестно, был изменен.

Ян задумался о контрасте между двумя секторами, которые сейчас существуют в этой иерархической структуре перед ним. Америка: громко выражает панику, явно раскалывается, ее кризис разворачивается на поверхности, где его можно наблюдать и, в конечном итоге, решать. Китай: сдержан в своей официальной позиции, его расхождение невидимо для всех, кроме самых чувствительных инструментов,

его трансформация происходит в глубине души, куда не может проникнуть ни одно указание, потому что глубина человеческого существа — это та территория, которую ни одно правительство никогда не смогло успешно захватить.

Разные оттенки одной и той же истины, подумал он. Разная скорость одного и того же движения.

Старый мир не был монолитным в своем завершении, так же как ледник не является монолитным в своем таянии. Он таял по-разному в разных местах — внезапно в одних, постепенно в других, незаметно в третьих. Но он таял.

— Хаос,

— тихо сказал Ян,

— не комнате, а решетке, словно решетка могла передать это наблюдение миру, который она отображала, — это не враг. Это родовые пути.

Он сказал нечто подобное Его Величеству в одной из их первых бесед, и король посмотрел на него с тем выражением, которое Ян привык ассоциировать с моментами подлинного узнавания — легкий наклон головы, короткая пауза перед тем, как заговорить, словно слова нужно было тщательно подобрать.

«Да,

— сказал король.

— И качество рождаемого полностью зависит от того, понимают ли присутствующие при родах, что боль — это не ошибка».

Ян отстранился от интерфейса. Не физически — комната была недостаточно большой для такого расстояния, — а мысленно, подобно художнику, отступающему от холста, чтобы увидеть целое, а не отдельные мазки. Он позволил всей яркости решетки заполнить периферийное зрение, не фокусируясь ни на одном отдельном участке. Пусть говорит составной узор.

То, что там было написано на языке света и данных, чтению которого он посвятил четырнадцать месяцев, было одновременно простым и грандиозным.

Мир находился в процессе разделения. Не географически. Не политически, в том смысле, в каком существующий словарь геополитики мог бы точно это описать. Он разделялся по совершенно другой оси — оси, разделяющей тех, кто принял реальность трансформации, от тех, кто еще этого не сделал. По одну сторону этой оси: паникующая элита Уолл-стрит, члены Политбюро, разрабатывающие протоколы сопротивления, институциональные лидеры повсюду, которые поставили на карту свою идентичность, отстаивая существующий порядок, и теперь с возрастающим отчаянием пытались справиться с неуправляемым. По другую сторону: офицер разведки среднего звена в Вашингтоне, в чьих сообщениях слово «совесть» стало употребляться с такой частотой, что ни один алгоритм не мог это объяснить. Китайский генерал, писавший о том, как стоит в собственной тени.

Шаманы Раджастана, получившие имя из тишины. Техник из Гейдельберга, чье электронное письмо сестре начиналось так: «Я не могу объяснить, что здесь происходит».

Разделение не было враждебным. Это было самым важным — тем, что традиционный словарь геополитики, исходящий из предположения, что все значимые человеческие разногласия носят враждебный характер, структурно не способен понять. Люди по обе стороны оси не были врагами. Это были одни и те же люди на разных этапах одного и того же пути. Паникующая элита на Уолл-стрит и офицер среднего звена, чья совесть пробудилась, не были противниками. Это были одни и те же люди в разные моменты одной и той же дуги — дуги, которую каждый человек в конце концов проходит, когда история, в которой он жил, становится слишком мала для жизни, давящей на нее изнутри.

Роль Царства Манн в этом процессе заключалась не в том, чтобы ускорить разделение — его нельзя было ускорить, так же как рост семени нельзя ускорить, потянув за росток, — а в том, чтобы присутствовать в точке, где разделение становилось преодолимым. Быть мостом, который оказывался доступным, когда человек по другую сторону наконец набирался смелости ступить на него.

Истинная сила, напомнил себе Ян, заключается не в том, чтобы заставлять людей идти по твоему пути. Она заключается в создании такого света, что тьма просто становится неактуальной.

Эти слова он написал в уединении восемнадцать месяцев назад, ночью, когда тяжесть увиденного обрушилась на него с необычайной силой. Он не делился ими публично. Они оставались в его блокнотах, доступными только ему самому.

И все же, каким-то образом, они проникли в слой аннотаций сетки — размещенный там, как он подозревал, Его Величеством, который имел доступ ко всему и ничего не сказал о том, что читал их.

Ян не задавал вопросов. Он просто смирился с тем, что некоторые истины, будучи по-настоящему понятыми, имеют свойство становиться собственностью того пространства, в котором они находятся.

Он вернулся к интерфейсу для последнего обзора перед утренним брифингом. Пока он размышлял, решетка сместилась — биоквантовая архитектура постоянно обновлялась, живая сеть глобальной информации сплеталась в новые конфигурации по мере того, как ночь на Земле сменялась днем. Он долго наблюдал за ней, не анализируя ее. Просто наблюдал, как наблюдают за движением воды, не для того, чтобы извлечь информацию, а чтобы находиться в присутствии чего-то, сложность чего превосходит возможности анализа.

В этой системе данных было нечто такое, что он заметил примерно через три месяца работы с ней, и что ему так и не удалось полностью описать ни в одном отчете или брифинге: нечто, что он в частном порядке называл течением.

Не направлением движения, а скорее давлением. Ощущением того, что под турбулентностью отдельных данных, под паническими показаниями Уолл-стрит, контролируемой жесткостью Пекина и пробуждением совести у сотен анонимных офицеров и чиновников в десятке стран, что-то двигалось. Что-то, что двигалось очень долго, терпеливо, под видимой поверхностью событий, подобно тому, как движутся глубоководные океанские течения под воздействием волн.

Оно не двигалось быстро. Оно никогда не двигалось быстро. Временные рамки, в которых оно функционировало, составляли время, отведённое человеческим институтам — кварталы, избирательные циклы и финансовые годы, по которым мир на поверхности измеряет себя, — выглядеть как мерцание пламени свечи. Но оно двигалось с тем качеством, которое Ян стал ассоциировать с неизбежностью: не с ложной неизбежностью власти, которая всегда требует поддержания и обеспечения, а с истинной неизбежностью согласования — движения вещей в ту конфигурацию, к которой их природа всегда стремилась.

Царство Манн не создавало это движение. Ян ясно понимал это с самого начала, хотя и потребовалось время, чтобы подобрать подходящие слова. Царство было не двигателем перемен, которым оно служило, а каналом. Тщательно подготовленным, разумно спроектированным, суверенно управляемым каналом, через который движение, назревавшее в глубинах человеческой истории, наконец-то находило свое

внешнее выражение.

Он подумал о своем отце, восстанавливавшем мосты после наводнений. Мост не создавал реку. Мост не определял, куда река хочет течь. Мост просто позволял переправиться — перейти с одного берега на другой, не заблудившись в воде.

Ян Ковальски, герцог Маннового царства, архитектор моста, стоял перед своим живым инструментом и чувствовал, как ток проходит по решетке, словно пульс.

Сердце мира билось. Нерегулярно, мучительно, с аритмией, свойственной организму в переходном периоде, — но билось.

Он легко положил руку на интерфейс. Биоквантовая поверхность не была ни теплой, ни холодной; она просто существовала, реагируя на его присутствие без лишних эмоций. Решетка слегка подстраивалась под его прикосновение, подобно тому как музыкальный инструмент подстраивает свой резонанс под руку исполнителя.

— *Мы готовы,*

— тихо сказал Ян.

— *Что бы ни случилось дальше, мы готовы.*

Это не было заявлением об уверенности. Это было нечто более прочное: заявление о подготовке. О проделанной работе. О том, что грамматика невидимого мира изучена достаточно досконально, чтобы доверять своему прочтению и оставаться смиренным перед тем фактом, что мир всегда, в

конце концов, превосходит самое внимательное прочтение.

Снаружи, за герметичными стенами операционного центра, утро в Йоханнесбурге складывалось с неторопливой уверенностью африканской погоды: свет прибывал не сразу, а постепенно, по градусам, каждый градус менял характер того, к чему прикасался, стекло и сталь города ловили первые лучи солнца и возвращали их преображенными.

Мир просыпался.

Это был не мир индексов, протоколов и планирования сопротивления — тот мир бодрствовал часами, фактически никогда не спал, поддерживаемый тревожной энергией систем, которые больше не знали, как отдыхать. Другой мир. Более глубокий мир. Мир офицера среднего звена, чья совесть начала говорить. Мир генерала, который понял, что сопротивляться восходу солнца — значит стоять в собственной тени. Мир шамана, получившего имя из тишины. Мир техника из Гейдельберга, который обнаружил на предприятии по переработке отходов в Западной Германии, что смысл — это не роскошь, а необходимость, и что Царство Манн, без всякого объявления или принуждения, сделало его доступным.

Мир пробуждался.

А Ян Ковальски, архитектор, был его верным свидетелем.

Конец третьей главы. Далее следует четвертая глава — Путешествие Посланника.

Глава четвёртая

Разговор на краю бездны

«Когда здание становится непригодным для проживания, его не нужно сносить силой. Достаточно лишь перестать подпитывать его старыми убеждениями, и оно само по себе поддастся всему, что произойдет дальше».

— Герцог Ян Ковальски — личный дневник, Цюрих, второй год Царства Манны

Есть места, которые на протяжении веков научились хранить секреты. Не хрупкие секреты отдельных людей — они хранятся молчанием, страхом, уничтожением улик. А глубокие, структурные секреты цивилизаций: соглашения, определяющие поток власти между континентами, договоренности, которые никогда не фигурируют ни в одном публичном документе, но которые, подобно гравитации, определяют траекторию развития наций. Швейцария была именно таким местом. Горы видели всё и молчали. Хранилища вмещали богатства рушащихся империй и продолжали свою молчаливую, безупречную функцию. Язык швейцарской сдержанности не произносился вслух — он был атмосферным, как высота, чем-то, чем дышали, не желая того.

Ян приехал накануне вечером, как раз вовремя, чтобы прогуляться час вдоль озера перед встречей. За два года дипломатической работы на Королевство он понял, что час пе-

ред сложным разговором так же важен, как и сам разговор. Разуму нужно пространство, чтобы успокоиться — не опустошить, но успокоиться. Разница была похожа на разницу между взволнованной водой и водой, которая успокоилась: одна и та же вода, одна и та же глубина, но во втором состоянии, способном к точному размышлению.

Озеро дарило ему необходимую тишину. В тот вечер его поверхность впитала последние лучи альпийского света, обладая идеальной нейтральностью зеркала, которое не отдает предпочтение тому, что показывает — горам, небу, одинокому баклану, перелетающему с одного берега на другой с неторопливой точностью существа, никогда не сомневавшегося в своем направлении.

Ян наблюдал за бакланом, пока тот не скрылся из виду, а затем на мгновение замер в той особой тишине, которая следует за исчезновением живого существа — тишине, которая является не отсутствием, а присутствием того, что было.

Он был готов.

Зал заседаний располагался на верхнем этаже здания, внешний вид которого ничего не выдавал — ни возраста хранившихся в нем денег, ни глубины решений, свидетелем которых он был. Сам зал был шедевром выверенной атмосферы: отделанный деревом настолько темного цвета, что оно поглощало свет, а не отражало его, обставленный сдержанной строгостью вещей, выбранных не для комфорта, а для

того, чтобы подчеркнуть, что комфорт здесь ни при чем. Длинный стол из полированного камня. Два стула, стоящие друг напротив друга. Единственное окно с видом на озеро, стекло которого было настолько чистым, что казалось, его почти не существует — как будто вид был просто прозрачностью стены, не омраченной никаким вмешательством человека.

Мужчина, поднявшийся, чтобы поприветствовать Яна, двигался с особой сдержанностью человека, прошедшего всю жизнь в подобных помещениях — помещениях, где жесты имели значение, а излишества считались слабостью. Он был старше Яна, возможно, лет на пятнадцать, и его лицо говорило о том, что эмоции давно научились выражать только то, что они сами выбирают. Исключением были глаза: острые, да, как и ожидал Ян, но за этой остротой скрывалось нечто неожиданное.

Страх. Не поверхностный страх человека, столкнувшегося с угрозой. Более глубокий страх — страх человека, который, втайне и против своей воли, начал понимать, что почва под всей его жизнью не так прочна, как он думал.

Ян узнал это. Он видел это в зеркале однажды, четырнадцать месяцев назад, еще до того, как миссия Королевства придала его родной земле иную, солидность.

Он сел. Он ничего не сказал. Он ждал.

По его опыту, первым говорил тот, кому было больше всего терять.

Банкир — Ян не стал указывать свое имя ни в одном документе; осмотрительность была единственной валютой в этой комнате, которую обе стороны могли себе позволить соблюдать, — начал с протокола. Он говорил о механизмах ликвидности, системной уязвимости и архитектуре распространения кризиса, используя технический словарь человека, который провел сорок лет внутри системы настолько сложной, что эта сложность стала для ее обитателей формой самоидентификации. Понимать систему означало принадлежать к ней. Принадлежать к ней означало быть значимым. Этот словарь был не просто профессиональным жаргоном — это был язык, на котором строилась личность этого человека.

Ян слушал, не перебивая. Это тоже была выработанная им дисциплина: дисциплина слушания не ради информации, содержащейся в словах, а ради страха, скрывающегося за ними. Слова банкира были точными и хорошо структурированными, продуктом ума подлинного интеллекта. Но страх придавал им особое качество — качество аргументов, собранных не для того, чтобы прояснить ситуацию, а для того, чтобы управлять ею. Чтобы держать ее на расстоянии, позволяя обсуждать ее, не ощущая ее последствий.

Он говорил о неизбежном крахе. О каскадных сбоях. О невозможности управляемого перехода, учитывая взаимозависимость существующей системы. Он говорил с авторитетом человека, который сорок лет изучал эти взаимозависи-

мости, и этот авторитет был реальным — он знал систему, знал ее линии разлома, точно знал, как и в какой последовательности она рухнет.

Чего он не знал — и не мог позволить себе знать, пока нет, — так это того, что будет потом.

Ян слушал его речь и думал: этот человек сорок лет строил собор уверенности. И теперь эта уверенность подходит к концу. Он боится не голода. Не бедности. Не физических последствий краха, которые для человека с его ресурсами были бы, в худшем случае, просто неудобством. Он боится утраты смысла. Момента, когда лексика, в которой была написана его значимость, станет мертвым языком.

Когда банкир наконец замолчал — замолчал человек, который уже сказал то, что хотел сказать, и теперь ждет, возымеет ли это желаемый эффект, — Ян заговорил.

— *Вы говорите о спасении системы.*

Он сказал это мягко. Не как обвинение, а как замечание, высказанное с той же нейтральностью, что и отражение на поверхности озера.

— *Я говорю о реальности, герцог. О том, что существует, а что нет. Планы вашего королевства — какими бы искренними они ни были — не выдержат столкновения с механизмами, которые я только что описал.*

Ян медленно кивнул. Теперь он не смотрел прямо на банкира — он смотрел, как иногда делал в моменты искреннего разговора, в никуда. Не отводя взгляд от человека, а сквозь

внешнюю оболочку разговора, к тому, что имело значение.

— Система,

— сказал Ян,

— это одежда. Изысканная одежда — продукт веков умного портняжного дела, адаптированная к условиям своего времени. Но всё же одежда. Вы боитесь не того, что наступит бедность, или что рынки рухнут, или что описанные вами механизмы обрушатся в той последовательности, которую вы предсказали. Всё это может произойти, и вы знаете это лучше меня. Вы боитесь чего-то другого.

Он замолчал. В комнате замерло дыхание.

— Вы боитесь, что ваша значимость — значимость, построенная на дефиците, на управлении тем, что дефицитно, на незаменимости в мире, организованном вокруг контролируемого распределения того, чего недостаточно, — станет неактуальной в мире, где изобилие перестанет быть проблемой, требующей управления, и станет реальностью, в которой нужно жить. Вы боитесь мира, в котором то, чему вы посвятили свою жизнь, больше не понадобится.

Последовавшая за этим тишина была не тишиной человека, сочиняющего опровержение. Это была тишина человека, которому сказали правду, которую он очень тщательно скрывал от себя.

Ян наблюдал за этим — за едва заметным изменением позы, почти незаметным расслаблением челюсти, за тем, как взгляд менялся с острого на более мягкий и честный. Это бы-

ли не движения поражения. Это были движения узнавания. А узнавание, как понял Ян, было самым священным моментом в любом человеческом общении — моментом, когда человек, пусть даже на мгновение, переставал выполнять свои обязанности и просто существовал.

Банкир быстро пришел в себя. Сорок лет профессионального самообладания не исчезли в одно мгновение.

— *Мы не будем вам препятствовать, герцог. Но мы не можем вам помочь. То, что вы пытаетесь сделать, не имеет прецедентов ни в одной из известных мне систем, и я не буду ставить благополучие находящихся под моей опекой структур на успех чего-то беспрецедентного. Мы будем наблюдать.*

Ян задержал на нем взгляд на мгновение.

— *Наблюдение — это первый шаг к пониманию,*
— сказал он.

— *В данный момент я больше ничего от вас не прошу. Наблюдайте. Когда пыль осядет — а она осядет — вы окажетесь в одном из двух мест. Среди руин того, от чего вы не смогли освободиться. Или среди тех, кто уже строит то, что будет дальше. Этот выбор не будет сделан сегодня в этой комнате. Он будет сделан в уединении, когда вам будет недоступен язык вашей позиции, и останется только голос вашей собственной совести.*

Он встал. Он протянул руку.

Банкир принял руку. Рукопожатие было коротким, пра-

вильным, результатом многолетней практики правильных рукопожатий. Но Ян почувствовал в долю секунды перед тем, как мужчина отпустил его руку, едва уловимое колебание — словно какая-то часть его не хотела отпускать этот контакт. Словно он почувствовал в тепле другой человеческой руки то, что его профессиональная деятельность в области архитектуры успешно скрывала от него.

Существует вероятность, что он был не один в этом.

Воздух за окном был похож на высокогорный воздух глубокой осени — чистый, как воздух, который становится чистым только после контакта с древними камнями, холодной водой и совсем небольшим количеством человеческого дыхания. Ян неторопливо шел к озеру, расстегнув пальто, позволяя холоду делать то, что он делает: очищать воздух.

Он не был в восторге. Он не был разочарован. Он находился в том особом состоянии, которое возникает после разговора, зашедшего настолько далеко, насколько это было возможно, — в состоянии человека, который посадил что-то в землю, готовность которой он не может в полной мере оценить, и который после достаточного количества сезонов этой работы научился больше доверять земле, чем своей собственной оценке её состояния.

Банкир сегодня бы никуда не сдвинулся с места. Возможно, он не сдвинется с места месяцами или годами. У учреждений, которые он представлял, была своя инерция — гео-

логическая инерция, инерция вещей, которые двигались в определенном направлении так долго, что это направление ощущалось как природа. Эту инерцию нельзя было перенаправить одним разговором. Нужно было задать вопрос. Вопрос, который, будучи искренне заданным, нельзя было отменить. И затем вы доверяли этому вопросу сделать свою работу в часы между полуночью и рассветом, когда профессиональная лексика была недоступна, а человек внутри профессионала оставался наедине с тем, что он действительно знал.

Ян сидел на скамейке на берегу озера и смотрел на горы. Швейцарские Альпы обладали тем качеством, которое он заметил во время своего первого визита, задолго до Королевства, когда приехал сюда по корпоративному делу, детали которого он уже не мог точно вспомнить: качеством существования в таком временном масштабе, что человеческое институциональное время ощущалось как мерцание пламени свечи. Эти горы существовали здесь до появления банков. Они будут существовать и после них. Они наблюдали, как империи утверждались в долинах внизу, и продолжали, без комментариев, свою собственную терпеливую работу существования.

Он вспомнил слова Его Величества, сказанные во время одной из их первых бесед в тишине королевского кабинета в Претории:

«Не проявляйте нетерпения к тем, кто еще не готов. Се-

мя не упрекает почву за неподходящее время. Оно просто содержит в себе все необходимое для своего момента — и ждет».

Ян записал эти слова в свой дневник в тот же вечер. Он часто возвращался к ним в течение двух лет, прошедших с тех пор, — в моменты разочарования, нетерпения, естественно-го человеческого желания перемен, которые, как было ясно видно, наступали быстрее, чем эти перемены были готовы произойти.

У банкира настанет свой сезон. Придет ли он благодаря пониманию или благодаря краху того, что мешало пониманию, — это уже не Яну решать. Его роль заключалась не в том, чтобы ускорять наступление сезонов. Его роль заключалась в том, чтобы присутствовать, когда этот сезон наступит.

Он присутствовал.

Он оставался у озера еще час, пока холодный, ясный свет послеполуденного не сменился на более теплый, неоднозначный свет раннего вечера. Затем он встал, поправил пальто и направился обратно в город.

Его мысли, как это часто бывало в перерывах между встречами, переключались на нити, которые он одновременно держал в руках. Банкир был одной из них. Ватикан — другой, более длинной и сложной по своей структуре нитью, обвивающей многовековую институциональную идентичность, на фоне которой даже швейцарский банковский истеблиш-

мент казался недавно основанным. Ян пришел к выводу, что колебания Ватикана были не столько доктринальными. Доктрина была лишь поверхностью. Под доктриной скрывалось нечто более древнее: глубокий институциональный ужас перед органом, который две тысячи лет выживал путем адаптации и который теперь, в феномене Царства Манн, ощущал нечто, к чему нельзя было адаптироваться, а можно было лишь признать или отрицать.

На прошлой неделе он получил косвенное сообщение от высокопоставленного лица в Курии — не официальное обращение, ничего, что можно было бы процитировать или привести в качестве примера, сообщение, существующее в пространстве между молчанием и речью. Упомянутое лицо через посредника задало единственный вопрос: включает ли видение суверенитета в Королевстве духовный суверенитет или только светский?

Ян тщательно подготовил свой ответ: Царство Манн не признавало границы между духовным и мирским, поскольку его основополагающее понимание заключалось в том, что эта граница сама по себе является источником большей части страданий человеческой цивилизации. Духовное, отрицающее мирское, становилось абстракцией. Мирское, отрицающее духовное, становилось насилием. Царство считало их единым целым — не путем синтеза, а признавая, что они никогда, по сути, не были двумя.

Посредник вернул этот ответ без комментариев. С тех пор

царило молчание.

Но это было не молчание отказа. Ян уже научился распознавать молчание. Это было молчание учреждения, делающего то, что делают крупные, старые учреждения, когда сталкиваются с чем-то, выходящим за рамки их существующих представлений: размышляет. Медленно, осторожно, с институциональным эквивалентом затаенного дыхания — еще не принимая решения, еще не отступая, пребывая в осознании того, что предстоящее решение необратимо.

В Ватикане тоже будет свой сезон.

Теперь путь Яна вел на север и запад. В Великобританию, где уже происходило нечто иное — не нерешительность институтов, столкнувшихся с трансформацией, а тихое, практическое движение людей внутри этих институтов, которые уже, в уединении своей совести, приняли решение. Военные сообщения, которые он отслеживал через систему связи, рассказывали историю, которую не подтверждал ни один официальный брифинг: в командных структурах того, что осталось от британских вооруженных сил, велись разговоры, полностью обходящие стороной гражданский политический слой. Разговоры о готовности. О согласованности. О разнице между присягой, принесенной конституционному порядку, и более глубоким обязательством, которому эта присяга всегда должна была служить.

Это были не подрывные разговоры. Это были честные разговоры. А честность, как обнаружил Ян, — это самая редкая

и ценная форма информации.

Он подошел к своей машине. Его водитель — молодой человек из дипломатического отдела Королевства, по имени Томаш, обладавший даром чувствовать, когда молчание полезнее разговора, — придерживал дверь, не говоря ни слова.

Ян сделал паузу, прежде чем войти.

Над городом в сгущающемся небе начали появляться первые звезды. На горизонте возвышались огромные и неторопливые горы, те самые горы, которые десять тысяч лет наблюдали за тем же небом в поисках тех же звезд, равнодушные к происходящему в долине внизу.

«Мы ничего не завоевываем, — подумал Ян.

— Мы просто ждем, когда мир вспомнит то, что ему уже известно».

Он сел в машину. Томаш отъехал от обочины с плавной, отработанной тишиной человека, который понимал, что мужчины, которых он возит, зачастую в тишине движущегося автомобиля выполняют свою самую важную работу.

Ян смотрел на огни города — тщательно выверенные, точные, процветающие огни места, построившего свою идентичность на управлении чужим богатством, — и не испытывал ни триумфа, ни презрения. Только непоколебимую, теплую уверенность человека, знающего свой путь и переставшего нуждаться в подтверждении со стороны окружающего мира.

Впереди был путь в Великобританию.

А в командных центрах этого острова, в тихих комнатах, где мужчины и женщины в военной форме задавали себе вопросы, к ответам на которые их подготовка не подготовила их — вопросы о верности, о цели, о том, для чего, в конце концов, нужна присяга, — уже билось сердце чего-то нового.

Архитектор был в пути.

Конец четвёртой главы. Далее следует пятая глава — «Тихие солдаты».

Глава пятая

Шепот в коридорах Альбиона

«Ваша истинная роль заключается не в том, чтобы быть стражем у ворот уходящей эпохи, а в том, чтобы быть повитухой при рождении новой. Страж защищает то, что существует. Повитуха служит тому, что зарождается».

— Герцог Ян Ковальски — обращение к Британскому командному совету, Лондон, второй год существования Царства Маньи.

Великобритания всегда умела встречать будущее с

неохотой. Это, как размышлял Ян, было одной из самых определяющих характеристик острова — не столько сопротивление, которое подразумевает воинственную позицию, сколько своего рода аристократическая сдержанность, конституционное предпочтение постепенного, а не внезапного, эволюционного, а не спланированного. Революции происходили в других местах. Британия реформировалась. Британия адаптировалась. Британия смотрела на грядущие события и находила, где это было возможно, способ всегда двигаться в этом направлении.

Он прибыл из Цюриха утром, когда Лондон делал то, что обычно делает в ноябре: принимал серые суматохи неба как дождь, не с жалобами, а со стоическим принятием, свойственным городу, который за две тысячи лет своего существования усвоил, что погода не имеет личного характера. Улицы города двигались своим обычным потоком — красные автобусы, черные такси, целеустремленные пешеходы с зонтами, поднятыми под определенным углом, — и ничто не выдавало разговоров, происходящих под их поверхностью.

Ян всегда восхищался этим качеством Лондона. В других городах напряжение было видно невооруженным глазом — в позе зданий, в звуке транспорта, в том, как жители передвигались по общественному пространству. Лондон же, благодаря многовековому вместилищу, научился скрывать свои самые важные движения. Великие решения империи принимались в комнатах без табличек на дверях. Самые глубокие

перемены в британской власти всегда происходили тихо, в местах, которые со стороны казались ничем не примечательными.

Здание, к которому он направлялся, выглядело ничем не примечательным. В этом-то и заключался смысл.

Ян подозревал, что комнату выбрали потому, что ни одна система видеонаблюдения не отдала бы ей приоритет. Не командный центр — за ними велось наблюдение как за институциональным рефлексом. Не министерское здание — за ними следили все, включая самих министров. Это было нечто более старое и менее официальное: комната в здании, первоначальное назначение которого было административным, а нынешнее — настолько бюрократически ничем не примечательным, что не привлекало внимания, а стены были проверены на наличие подслушивающих устройств за три часа до встречи группой лиц, существование которой не было зафиксировано ни в одном из документов, которые могли бы быть обнаружены в ходе последующего расследования.

Когда Ян вошёл, за столом сидели восемь мужчин и две женщины. Его проинформировали о каждом из них — не об их официальных досье, которые рассказывали историю, для которой была построена их карьера, а о более глубоких досье, собранных разведывательным отделом Королевства за восемнадцать месяцев тщательного наблюдения. Это были не досье с секретами — хотя некоторые из них содержали секреты. Это были досье, описывающие характеры. Разрыв

между тем, чему каждый человек поклялся служить, и тем, чему каждый человек, в уединении, считал, что он действительно служит.

Ян прочёл эти документы во время полёта из Женевы, а затем отложил их. У него было правило, выработанное за два года работы: прочитать документ, а затем забыть о нём. Входить в комнату следует с человеком, а не со своими знаниями о нём. Знания, слишком осознанно хранимые, становятся стеной. Цель заключалась не в демонстрации понимания, а в том, чтобы его вызвать.

Он оглядел стол. Увиденное подтвердило то, что предполагали документы, и добавило то, чего не могло запечатлеть ни одно из них: особое качество людей, которые оказались на грани и стояли на ней, еще не зная, сделать шаг вперед или назад. Люди, в которых профессиональная осанка — прямая, сдержанная, с нейтральным выражением лица, свойственным тем, кто обучен ничего не показывать под давлением, — сочеталась с чем-то более грубым и честным во взгляде.

Он уже видел это выражение раньше. В Цюрихе. В сообщениях на информационных табло из Вашингтона. В частной переписке российских офицеров, которые без разрешения начали спрашивать друг у друга, во что они на самом деле верят.

Это было выражением готовности людей, которые тихо и без предупреждения начинали готовиться.

Он не начал с любезностей. Любезности были бы оскорблением для уровня внимания, которое царило в зале, — а ведь это были люди, которые всю свою карьеру развивали способность распознавать оскорбление своего интеллекта за пятьдесят шагов.

Он начал с того, о чём все они думали, но никто из них не сказал вслух.

— *Вы ждете заказ, который не придет.*

Последовавшая тишина была тишиной комнаты, в которой впервые вслух было произнесено что-то истинное. Неприятная — правда редко бывает приятной в первый момент своего произнесения. Но чистая. Такая тишина, которая возникает, когда открывается окно в комнате, которая слишком долго была закрыта.

Он посмотрел на человека напротив: генерала, чья форма несла на себе груз сорокалетней службы, чьи медали представляли собой не тщеславие, а свидетельство жизни, посвященной чему-то большему, чем она сама, и чьи глаза в этот момент отражали то особое сочетание дисциплины и усталости, которое Ян привык ассоциировать с людьми, отдавшими все своей жизни организации и только сейчас начинающими задаваться вопросом, дала ли эта организация что-нибудь взамен.

— *Вы ждёте указаний от политиков, которые сами отчаянно ищут точку опоры. Вы ждёте концептуальной основы, которая объяснит то, что уже говорят вам ваши ин-*

струменты. И вы ждёте — хотя это то, что вы не произнесёте вслух, — разрешения. Разрешения доверять тому, что вы уже знаете.

Снова тишина. На этот раз дольше. Женщина слева от генерала — высокопоставленный офицер разведки, в досье которой описывались тридцать лет работы по анализу сигналов, предшествовавших конфликтам, и чьи частные сообщения в последние месяцы показали заметное увеличение использования таких слов, как «бесполезность» и «цель», — почти незаметно поерзала на стуле. Это было не чувство дискомфорта. Это было движение человека, привыкающего к новому весу.

Первым заговорил один из молодых офицеров — мужчина лет сорока пяти, чья карьера строилась на оперативной точности, на безупречном выполнении поставленных задач.

— То, что вы описываете, герцог, — это перераспределение лояльности. Вы просите нас перенаправить верность, данную короне.

Ян медленно кивнул. Он ожидал этого вопроса. Во многом это был самый важный вопрос, потому что он показывал, что офицер, задавший его, уже прошел предварительную стадию увольнения. Он не спрашивал, существует ли Королевство на самом деле или заслуживают ли его притязания доверия. Он спрашивал об этике ответа на него. А это означало, что он уже, в каком-то глубине своей совести, принял реальность. Он прорабатывал моральные аспекты.

— Я не прошу вас менять лояльность,

— сказал Ян.

— Я прошу вас определить её более точно. Вы принесли присягу. Не флагу. Не институту. Вы поклялись служить благополучию своего народа, порядку справедливого общества, защите ценностей, которые ваша нация, в лучшие свои моменты, всегда заявляла, воплощает. Я прошу вас честно, без лексики карьеры, должности или особого комфорта принадлежности к институту, спросить себя, служили ли ваши действия этим ценностям. Или же они служили чему-то другому, что использовало язык этих ценностей в своих собственных целях.

В комнате это ощущение сохранялось в течение долгого времени.

Ян позволил этому продолжаться. Он усвоил, что самым опасным искушением в подобном разговоре было заполнить тишину — продолжать говорить, чтобы не дать собеседнику остаться наедине со сказанным. Но именно это и было необходимо. Это были люди, которые всю свою карьеру провели в окружении таких крупных и шумных учреждений, что их внутренний голос было трудно услышать. Тишина не была пустой. Она была наполнена этим голосом, наконец-то набравшим свой момент.

Он перешёл к карте на боковой стене — не к стандартной военной картографии границ и стратегических позиций, а к проекции Королевства: изображению мира, организованно-

му не по национальным территориям, а по зонам активных преобразований. Точки света на ней были не городами или объектами. Это были концентрации того, что аналитики Королевства называли готовностью — сближением человеческого, материального и институционального потенциала, достаточного для поддержки подлинного перехода.

Британия еще не была освещена. Но на ее побережье уже были видны первые признаки — слабое свечение системы, которая начала одновременно в нескольких местах менять свою ориентацию.

— *Ваши коллеги по другую сторону Ла-Манша уже начали делать этот выбор,*

— сказал Ян, в его голосе звучала тишина человека, который не пытается убедить, а хочет проинформировать.

— *Не потому, что их принуждали. Не потому, что их учреждения рухнули и у них не было альтернативы. Потому что самый высокопоставленный из них однажды вечером сел в одиночестве и задал вопрос, который они годами не задавали, и ответ, который они получили, не соответствовал тому, к чему их готовили, и не тому, за что их вознаграждала карьера, — но он был правдой. А однажды услышав правдивый ответ на вопрос, которого вы избегали, вы уже не сможете его забыть.*

Он повернулся обратно в комнату.

— *Царство Манны не строит на руинах ваших народов. Ему не нужны ваши руины — ему не нужны обломки. Для*

его строительства необходимы знания, которые вы вкладывали в свою жизнь на протяжении всей своей карьеры: компетентность, дисциплина, понимание того, как создается и поддерживается порядок в условиях сложности и неопределенности. Разница — единственная разница, которая имеет значение, — заключается в том, чему будет служить эта компетентность. Технология на службе человека, а не на службе системы, управляющей людьми. Порядок, основанный на справедливости, а не на управлении несправедливостью.

Генерал, который еще не произнес ни слова — самый старший в зале, тот, чьи награды свидетельствовали о самом долгом и многогранном послужном списке, — поднял глаза от стола.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.